ПСАЛТЫРЬ В ВИСОКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОСТИ

Валентина Петрова (Чебуксари)

Псалтырь - одна из самых цитируемых книг Священного Писания в средневековой славянской литературе, особенно в произведениях стиля „плетение словес“ /Лихачев 1979; Мошин 1972; Станоевич, Глумац 1932; Трифунович 1973; Китч 1976/.

Предпочтение Псалтыри остальным книгам Ветхого и Нового Завета основано на уникальности этой книги, отмеченной еще Афанасием Александрийским, который видел особенность Псалтыри не только в том, что она содержит все то, что изложено в остальных библейских книгах, „но сказанное в других книгах повествовательной речью ... воспевает в свободно звучащих мелодических песнопениях“ /Афанасий Александрийский. „Об истолковании псалмов“. цит. по: Бычков 1984:536/, но и в том, что события библейской истории даны в ней в „преломлении переживающей их души“ /Бычков 1984:536/. Разработав жанрово-содержательную классификацию псалмов, Афанасий Александрийский показывает, что эти разряды псалмов способны отразить все возможные состояния души, поэтому „любой человек может... всегда подобрать псалом, соответствующий его душевному состоянию“ /Бычков 1984:536/.

В „Житии Стефана Пермского“[1] древнерусский агиограф Епифаний Премудрый вплетает многочисленные цитаты из книг Священного Писания не только в речь самого Стефана, но и в речь новокрещенных пермян, так, речь пермян в диалоге с волхвом перенасыщена цитатами, преимущественно из Нового Завета (в другом месте даже в уста еще не принявших крещение людей Епифаний вкладывает цитату из Евангелия: „Они же отвѣщавъше, глаголаша емоу: яко никто же насъ не наялъ, рекше никто ж насъ не просвѣтилъ святымъ крещением, никто же насъ не ввелъ в разоумныи виноградъ, рекше в законъ Господень“ (л. 663 об.) (ср.: Мф., 20: 7: яко никто же насъ не наялъ).

Особый интерес представляет использование Епифанием библейских цитат в речи язычника - волхва Пама, противника Стефана. Употребление цитат в речи волхва разнообразно - от отдельных цитат, вкрапленных в рассуждения Пама (первая же фраза, обращенная им к Стефану, представляет собой евангельскую цитату: „коею властию сиа твориши, или кто есть давыи тебѣ власть сию, или кто есть пославыи тебя в землю нашоу“ (л. 701) (ср.: коею властию сиа твориши или кто есть давыи тебѣ власть сию - Лк. 20:2); (см. также

по отношению к пермянам: „Моужи братиа пермьстии...“) (ср.: Моужи братия - Деяния 1:16; 2:29), до целых фрагментов, составленных из псалтырных стихов. Свой отказ принять „искушение вѣры“ (л. 707) - войти в огонь - Пам аргументирует следующим образом: „Яко не мощно ити, не дерзаю прикосноутися огню, щажуся и блюдоу приближитися множествоу пламени горящоу, и яко сѣно сыи соухое, не смѣю въврещися, да не яко воскъ таетъ отъ лица огню, растаю, да не ополѣю яко воскъ и трава соухаа, и внезаапоу сгорю огнемъ и умроу, и к томоу не боудоу, и кая боудеть ползa в крови моеи, егда снидоу въ истлѣние, волшество мое прииметъ инъ, и боудетъ дворъ мои поустъ, и в погостѣ моемъ не боудеть живоущаго (л. 709 об.) (ср. Пс. 67:3: яко таеть воскъ отъ лица огню тако да погибноуть грѣшници от лица божия; Пс. 29:10: кая ползa въ крови моеи, егда сънидоу въ истление; Пс. 108:8: боудоуть дние его мали и набдѣние его прииметь инъ; Пс. 68:26: боуди дворъ ихъ поустъ и въ селѣхъ ихъ не боудеть живоущаго). И следующий ответ волхва - цепочка псалтырных цитат: „Сихъ всѣхъ, оувы мнѣ, не полоучихъ, и ямоу, юже ископахъ, впадохъ в ню, и в сѣти сеи, юже скрыхъ, оувязе нога моя, и ровъ изрыхъ емоу, и самъ вриноухся во нь, и быша мя послѣдняя горши первых...“ (ср. Пс. 56:7: сѣть оуготоваша ногамъ моимъ, съмериша доушю мою ископаша прѣдъ лицемь моимь ямоу и въпадошася в ню; Пс. 9:16: оугльбоша языци въ пагоубь юже сътвориша въ сѣти сеи юже скрыша оувязе нога ихъ; Пс. 7:16: ровъ издры и ископа и въпадеся въ ямоу юже створи; быша имъ послѣдняя грша первыхъ - II Петра 2:20). Побежденный и посрамленный Пам, объясняя свое поражение, описывает свое состояние (вернее, это описание с точки зрения самого Епифания): „Покры срамота лице мое, и нынѣ нѣсть мнѣ отверсти оустъ поношению и стоудоу, быхъ поношение соусѣдомъ моимъ, подражание и пороугание соущимъ окрестъ насъ, весь день срамъ мои прѣдо мною есть, и стоудъ лица моего покрыи мя (л. 711 об.) (ср. Пс. 68:8: яко ради тебе пряхъ поношение покры срамота лице мое; Пс. 30:12: паче всѣхъ врагъ моихъ быхъ поношение и соусѣдомъ моимъ и страхъ

знаемымъ моимъ; Пс. 43:14: положилъ ны еси поношениѭ соусѣдомъ нашимъ. подражание и пороугание соущимъ окрестъ насъ; Пс. 43:16: вьсь день срамъ мои прѣдъ мноѭ есть и стоудъ лица моего покры мя).

Библеизмы в речи волхва исследователи рассматриваѭт как средство создания смеховой ситуации: „В эпизоде посрамления Стефаном волхва Пама Епифаний вкладывает в уста волхва, испугавшегося им же самим пред ложенных испытаний, дурашливожалобные причитания, полные библеизмов, явно рассчитанные на читательский смех: „Не смѣѭ вовращися, да не яко воскъ таеть от лица огнѭ, растаѭ“ (ср.: „Яко таеть воскъ от лица огня, тако да погибноутъ грѣшници от лица божия“ - Псалом 67:3 „Не дѣите меня, да почиѭ“ (ср.: „Не дѣите меня, да осяже столпы“ - Книга Судей, 16:26) /Прохоров 1985:79-80/. Именно в эпизодах борьбы Стефана с волхвом видят исследователи ирониѭ Епифания, а библейские цитаты интерпретируют как способ проявления этой иронии. Использование библейских цитат в речи волхва Р. Поп объясняет стремлением осмеять Пама, умалить его образ: „Пам произносит несколько исполненных ложного пафоса и жалости к себя причитаний, Они настолько преувеличены и неуместны, что делаѭт его смешным“ /Поп 1976:93/. Рассматривая эпизод, где Стефан, схватив за руку волхва, увлекает его к огнѭ, а волхв, „нагло влекомъ, вопиаше, глаголя: Не дѣите мене, да почиѭ (л. 709 об.) (ср.: Пс. 38:14: ослаби ми да почиѭ), Поп замечает: „Этот не к месту употребленный библейский штамп никак не умаляет БиблиѬ, а скорее заставляет нас насмеяться над Памом, который, произнося библейскуѭ фразу, выглядит тем глупее“ /Поп 1976:93/. Если эта сцена действительно позволяет рассматривать ее как комическуѭ, то приведенные выше фрагменты с ответами волхва, состоящими из псалтырных стихов, вероятно, не воспринимались читателями как Ьмористические. „Причитания“ волхва не кажутся в этой ситуации неуместными, поскольку они коррелируют с ситуацией, в которой оказался волхв. Можно поэтому допустить, что Епифаний не использует эти цитаты специально в целях создания иронии. Цитата из Псалтыри позволяет агиографу обрисовать и саму ситуациѭ, и душевное состояние побежденного волхва традиционными, привычными средствами, в привычных образах и выражениях. Стих псалма воскрешает в памяти читателя соответствуѭщее состояние, тем самым делая излишним необходимость развернутого описания. Псалом - знак определенного эмоционального состояния, определенной ситуации.

Епифаний изображает волхва Пама совсем не как незначительную, достойную только осмеяния личность. Волхв представлен им как сильный противник, способность к сопротивлению которого только увеличивает значимость победы Стефана и его миссионерского подвига, что подчеркнуто характеристикой волхва в „Житии“: „И бяше сии куодесникъ лютъ супротивникъ преподобномоу, и золъ ратоборець, великъ неоукротимъ соупостатъ и боритель, хотя развратити вѣроу христианьскоую и лютѣ по премногоу възмоущаше вѣрная повсегда спирашеся с нимъ, часто соупротивляяся с нимъ о вѣрь“ (л. 698) и параллелями с ветхо- и новозаветными персонажами (л. 697-698).

Все это позволяет предположить, что псалтырные цитаты в данном случае не являются специальным средством создания комического, они естественно возникают в связи с конкретной ситуацией, и то, что их употребляет волхв по отношению к себе, в условиях древнерусского текста не приводит к возникновению того эффекта, который появился бы в аналогичном случае в литературе нового времени. Именно такое употребление характерно для средневекового писателя, привыкшего соотносить определенную жизненную ситуацию с определенным стихом псалма, рассчитанного на такое же читательское восприятие. Зная Псалтырь наизусть, средневековые славянские книжники, как указывает В. Мошин, использовали образы и стилистические фигуры Псалтыри не только в своей литературной деятельности, но и в очной жизни оставались в плену этих представлений, и даже самая простая жизненная ситуация и какой-то совсем незначительный факт могли вызвать соответствующие псалтырные ассоциации /Мошин 1972:184/. Поэтому вполне естественно, что, например, в эпизоде испытания огнем конкретный огонь, к которому принуждают приблизиться волхва, не может не вызвать ассоциации с соответствующими стихами псалмов, а то, что действующим лицом в этом случае оказывается персонаж отрицательный, волхв, не отменяет возможности их употребления. Так, в „Житии святого Саввы“ сербский агиограф Доментиан строит речь „безбожных гусар“, хотевших пленить святого, на псалтырных парафразах: „Послѣди же придоша миромь к прѣосвещеномоу, соущоу емоу в полатѣ града того, поклоньше се емоу, и поведаше вьса бывьша о нихь, и коликь троудъ подьеше вь вльнахь морскых, ожидаюште его, нь господь не дасть имь озлобити своего си раба, и поклонишесе емоу, глаголюште: въ истиноу великъ есть богъ твои, емоуже ты слоужиши, не прѣдавыи тебе в роукы наше, и просише

нечьто от него, глаголюште: за троудь нашь даи намъ благословение бога ради твоего, свобождьшаго те от нас“ (ср.: Пс. 76:14: кто богъ велии яко богъ нашь; Пс. 2:11: работаите господеви съ страхомъ и радоуитеся емоу съ трепетомъ; Пс. 40:3: и не предасть его въ роуцѣ врагомъ его; Пс. 20:7: яко даси емоу благословение въ вѣкъ; Пс. 61:3: ибо тъ есть богъ мои спаситель мои; Пс. 17:1: въ дьнь вънже избави его отъ роукы врагъ его).

Таким образом, в средневековой славянской книжности цитата из Псалтыри была обычным, привычным и в силу своей привычности и уникальной способности быть приложимой ко всем жизненным ситуациям и душевным состояниям универсальным средством, позволяющим иллюстрировать каждую конкретную ситуацию и обозначить эмоциональное состояние персонажа, кем бы он ни был.

БЕЛЕЖКИ

1. Использовано следующее издание: „Житие святаго Стефана, епископа Пермскаго, написанное Епифанием Премудрым“ - Спб., 1897.

ЛИТЕРАТУРА

Бычков 1984 — **В. В. Бычков.** Формирование основных принципов византийской эстетики. В: Культура Византии. М.

Лихачев 1979 — **Д. С. Лихачев.** Поэтика древнерусской литературы. М.

Поп 1976 — **Р. Поп.** Несколько замечаний о литературном методе Епифания Премудраго. - В: Культурное наследие Древней Руси.

Прохоров 1986 — **Г. М. Прохоров.** Епифаний Премудрый. Словарь книжников и книжности Древней Руси. - В: ТОДРЛ.

Станоевич, Глумац 1932 — **Ст. Станојевић, Д. Глумац.** Писмо у нашим старим спомеництма. Београд.

Трифунович 1973 — **Ћ. Трифуновић.** Кратак преглед југословенских књижевности средњего века. Записи са предаваньа Ћ . Трифуновић а. Београд.

Китч 1976 — **F. Kitch.** The literary Style of Epifany Premudryj. München.